

Научная статья
УДК 37
DOI: 10.20323/1813-145X-2022-6-129-25-35
EDN: NOIAXR

Трансформация девиантного поведения несовершеннолетних в современных условиях

Ирина Юрьевна Тарханова

Доктор педагогических наук, профессор кафедры социальной педагогики и организации работы с молодежью, директор института педагогики и психологии, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
tarhanova3000@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7166-650X>

Аннотация. Статья посвящена проблеме изменения форм и видов девиантного (отклоняющегося) поведения подростков и несовершеннолетней молодежи в эпоху цифрового общества. Исследование построено на основе методологии поколенческого анализа и представляет собой обзор отечественных и зарубежных публикаций по проблемам социализации и десоциализации личности в современных условиях. Анализ публикаций по проблемам отклоняющегося поведения подростков за последние пять лет показал, что цивилизационная динамика повлияла как на причинность отклоняющегося поведения несовершеннолетних, так и на состав девиаций, преобладающих в подростковой среде. Так, если в публикациях начала века преобладающей причиной возникновения подростковых девиаций является семейное неблагополучие, то в современных публикациях этот фактор далеко не первый из обсуждаемых.

В статье рассматриваются причины и предпосылки девиантного поведения представителей цифрового поколения, специфика формирования референтных групп, типичные эмоциональные переживания и психологические трудности взросления человека в двух мирах — реальном и виртуальном. Приводятся описание и краткая характеристика наиболее распространенных среди сегодняшних подростков и юношей видов отклоняющегося поведения. Статья может быть интересна как ученым-девиантологам, так и практикам, организующим профилактическую работу в молодежной среде. Полученные теоретические результаты и сделанные на их основе выводы могут быть положены в основу исследований идентифицированных подростками состояний, мыслей, чувств, жизненных переживаний, в ответ на которые педагогическая наука может предложить релевантные профилактические продукты и корректирующие коммуникации. Основывая превентивные меры на понимании поколенческой специфики социализации, возможно выстраивать эффективные стратегии преодоления проблемного поведения несовершеннолетних, обеспечивая чувство безопасности и взаимной ответственности субъектов социальных отношений.

Ключевые слова: социализация; социальная педагогика; девиантное поведение; профилактика; поколенческий анализ; цифровизация

Для цитирования: Тарханова И. Ю. Трансформация девиантного поведения несовершеннолетних в современных условиях // Ярославский педагогический вестник. 2022. № 6 (129). С. 25-35.
<http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2022-6-129-25-35>. <https://elibrary.ru/noiaxr>

Original article

Transformation of deviant behavior of minors in modern conditions

Irina Yu. Tarkhanova

Doctor of pedagogical sciences, professor of department of social pedagogy and organization of work with youth, director of the institute of pedagogy and psychology, FSBEI HE «Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Republikanskaya st., 108/1
tarhanova3000@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7166-650X>

Abstract. The article is devoted to the problem of changing the forms and types of deviant behavior of adolescents and minor youth in the era of digital society. The study is based on the methodology of the generational analysis and is an overview of national and foreign publications on the problems of socialization and desocialization of personality in modern conditions. The analysis of publications on the problems of adolescents' deviating behavior ' over the past five years has shown that civilizational dynamics influenced both the causality of deviating behavior of minors and the composition of deviations prevailing in the adolescent environment. So, if in publications of the beginning of the

century the predominant cause of teenage deviations is family disadvantage, then in modern publications this factor is far from the first to be discussed.

The article discusses the reasons and prerequisites for the deviant behavior of representatives of the digital generation, the specifics of the formation of reference groups, typical emotional experiences and psychological difficulties of growing up in two worlds — real and virtual. A description and brief description of the most common types of deviant behavior among today's adolescents and young men are given. The article may be of interest to both devianthology scholars and practitioners organizing preventive work in youth environment.

The obtained theoretical results and the conclusions based on them can be the basis for research on the conditions, thoughts, feelings, life experiences identified by adolescents, in response to which pedagogical science can offer relevant preventive products and corrective communications. By basing preventive measures on understanding the generational specifics of socialization, it is possible to make up effective strategies for overcoming the problematic behavior of minors, ensuring a sense of security and mutual responsibility of subjects of social relations.

Keywords: socialization; social pedagogy; deviant behavior; prevention; generational analysis; digitalization

For citation: Tarkhanova I. Yu. Transformation of deviant behavior of minors in modern conditions. *Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2022;(6): 25-35. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2022-6-129-25-35>. <https://elibrary.ru/noiaxr>

Введение

Человеческая цивилизация в своем развитии проходила несколько последовательных этапов, существенно отличающихся друг от друга не только типом производственных отношений, но и социальным становлением человека: выделяются аграрная, индустриальная, информационная эпохи. В аграрном обществе молодое поколение социализировалось «стоя на плечах взрослых», то есть четко следуя наработанным веками традициям, обычаям, обрядам, строя свой жизненный путь с опорой на мнение более опытных членов общества, что фактически нивелировало поколенческий конфликт. Индустриализация привела к росту вариативности социального становления, принесла за новыми возможностями и новые риски; научный и технический прогресс поспрал незыблемость традиций и задал молодежи новый вектор социализации: «мы пойдем другим путем». Информационная эпоха, в которую «кто владеет информацией, тот владеет миром», еще больше расширила варианты взросления и достижения социального успеха, открытость информационного мира дала взрослеющему человеку ощущение множества возможностей, но и еще больше расширила пространство нормативности.

Методология исследования

Современному цивилизационному этапу дается множество названий: постинформационная эпоха, VANI-мир, общество 5.0. Обладая рядом различий, все эти концепции объединены констатацией нового пространства социализации личности — цифрового. Цифровизация сегодня уверенно вошла во все сферы жизни человечества, существенно изменив концепцию мироощущения наших современников. Виртуальность все

чаще становится для человека более привлекательной, чем реальность: повседневный мир гораздо менее динамичен и привычен — увлекательно погрузиться в то, что слышится или видится на расстоянии, ведь оно дает возможность рассеяться и «отвлечься», чтобы на время облегчить себе существование в режиме повседневности. Тем самым деформируется связь с реальным окружением, которое переживается как источник тяготы и скуки.

Мы живем в цифровом мире, потребляем цифровые технологии, размышляем о цифровой трансформации экономики и образования, но структурированный взгляд на отклоняющееся поведение цифрового поколения в настоящее время фактически отсутствует. Данное исследование проведено на основе методологии поколенческого анализа [Mannheim, 1970; Mead, 2004; Kalanova, 2016; Радаев, 2018]. В качестве исходной методологической установки взята позиция А. В. Мудрика: «...в русле социальной педагогики необходимо рассматривать поколенческие проблемы с разными целевыми установками, как минимум, с познавательными, понимающими, объяснительными» [Мудрик, 2016, с. 76].

В современном обществе появляются и новые цивилизационные вызовы: хрупкость, беспокойство, нелинейность, непостижимость, — характеризующие текущий пандемийный и постпандемийный мир [Cascio, 2021]. При этом большинство институционализированных и нормативизированных векторов социализации подрастающего поколения продолжают отвечать на запросы индустриальной эпохи: накопление знаний как образовательный результат, дисциплинарный подход, подготовка к поступлению в учреждение профессионального образования и

последующей профессиональной деятельности. Это не может не порождать протест молодежи, частью которого является и девиантное поведение, отклоняющееся от норм, заданных старшим поколением.

Результаты исследования

Сегодня, с быстрым развитием коммуникационных технологий, интернет становится мощным конкурентом семейного воспитания и новым носителем культурной коммуникации. Нельзя отрицать, что открытое информационное пространство не только обеспечивает духовную поддержку и ценностную ориентацию подростков, но и выполняет функции психологического удовлетворения, корректировки поведения и даже эмоционального выражения и снятия стресса.

Влияние массмедиа на девиации несовершеннолетних становится все более прямым и глубоким, А. В. Морозов констатирует «рост числа сайтов с информацией о суицидах и способах покончить с жизнью; форумов потенциальных самоубийц; появление экстремистских и террористических сайтов, разжигающих национализм, фашизм, шовинизм и национальную рознь и неприязнь; развитие сайтов порнографической направленности и др.» [Морозов, 2021, с. 148]. Поскольку преступный мотив несовершеннолетнего часто относительно прост, его цель является единственной и произвольной. Отклоняющееся поведение подростков становится все более спонтанным, без устойчивого девиантного мотива и планирования. Девиантные поступки все чаще мотивируются эмоциональным побуждением. Например, ребенок видит в роликах в TikTok сцены насилия и кровь и после просмотра начинает подражать их «героям».

Согласимся с О. Е. Коханой, что само по себе сообщение в СМИ не может привести к антиобщественному поведению подростка — решающим фактором девиантного поведения по-прежнему являются моральные ценности и установки несовершеннолетнего [Коханая, 2022]. В. С. Басюк в качестве одной из доминант делинквентности называет аморализм: «Девиантные подростки отличаются высокой сензитивностью к социальным условиям в целом, но игнорируют ценности послушания, запретов и долженствования и отдают предпочтение ценностям аморализма и противоправного поведения, их прельщают архетипы преступников, их поведение и «подвиг» [Басюк, 2021]. Такое искажение мировосприятия выражается в устойчивых поведенческих моделях, в образе мышления и ценност-

ных ориентациях, не совпадающих с нормативными социальными установками и порицаемых общественным мнением.

Поколенческой особенностью «цифровой молодежи» является снижение критичности мышления [Гугнина, 2022]. Несовершеннолетние в подавляющем большинстве не в полной мере могут распознавать манипулятивные техники при подаче информации, не анализируют достоверность информации, не умеют критически подходить к предлагаемой информационной продукции, не знают даже части опасностей, которые их подстерегают в медиапространстве, что в конечном итоге может привести к «распространению преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних, или распространению преступлений, совершаемых самими несовершеннолетними, в интернет-пространстве» [Никитская, 2021, с. 331].

Отклоняющееся поведение подростков в разные эпохи было положительно связано с девиантными нормами референтной группы, склонностью подростков соответствовать поведению друзей, которые в этом случае играют ключевую роль в инициации и развитии нарушения общепринятых норм. Разумеется, подростки различаются своей восприимчивостью к влиянию друзей и склонностью выбирать девиантное сверстническое окружение [Müller, 2016]. И. В. Фатеев отмечает, что девиантные группы — это мощный катализатор индивидуального поведения его членов. В зависимости от господствующих в группе норм усиливаются социально полезные или социально опасные ориентации и формы деятельности. Направленность групповой активности во многом зависит и от личных качеств неформального лидера, который имеет более твердый характер, сильную волю, богатый опыт, но чаще всего не обладает достаточно высокими нравственными и иными положительными качествами. Таким образом, свойственные отдельным личностям отрицательные черты уродливо трансформируются в психологию группы. Все, что принято в группе, восприниматься как норма, не подвергающаяся сомнению [Фатеев, 2010]. Е. В. Киселева утверждает что более восприимчивы к поведению в группе подростки с несформированной идентичностью, поскольку друзья также имеют решающее значение для формирования идентичности подростков [Киселева, 2016].

Сегодня понятие «друг» становится все более размытым в сознании молодежи, многочислен-

ные «друзья» в социальных сетях фактически нивелировали такие ценности дружбы, как ответственность, нравственная обусловленность отношений, взаимовыручка. Сегодня межличностные контакты, называемые Е. В. Якимовой «цифровой дружбой» и «сетевой близостью», складываются и приумножаются путем специальных программных ходов и алгоритмов [Якимова, 2021]. Вследствие этого референтность группы сверстников у современных подростков определяется не на основе обращения к сердцу или к разуму (общности чувств, переживаний, общие взгляды на жизнь), а при помощи рефлекторного воздействия (получение эмоционального или физического удовольствия). К эмоциональным удовольствиям, получаемым в рамках референтной группы девиантной направленности, можно отнести ощущение уверенности в себе, в своих силах; любопытство, вызываемое яркостью и необычностью новых форматов поведения; преодоление страха, переход от сильного эмоционального напряжения к расслаблению. К сожалению, перед лицом современной молодежи уже не осталось былых кумиров ни в спорте, ни в искусстве, ни в музыке, как отмечает А. В. Вайсбург. Интернет кишит хайповым мусором, за который очень многие цепляются как за образ социального успеха [Вайсбург, 2022].

Исследование группы ученых из Вятского государственного университета и Кировского государственного медицинского университета показало, что стресс-факторы современных подростков чаще всего связаны с ближайшим окружением (конфликты с родителями, братьями и сестрами и др. родственниками) и основным видом деятельности (проблемы в учебе и взаимоотношениях с учителями). Для борьбы с данными факторами подростки чаще всего используют неадаптивные поведенческие копинг-стратегии (отказ от преодоления трудностей, возложение вины на других, отсушение, активное избегание) [Анализ копинг-стратегий... , 2020]. О. Давлат фиксирует, что различные эмоциональные проблемы, такие как неуверенность, неполноценность, ревность, пренебрежение и депрессия, очень распространены среди несовершеннолетних, совершающих правонарушения [Davlat, 2022]. Согласно Е. S. Scott, делинквентное расстройство — это избегание эмоциональной ситуации, происхождение которой остается почти постоянным во времени для человека с различными состояниями [Scott, 2008]. Проведенные нами структурированные интервью 67

подростков 14-16 лет, состоящих на различных видах учета, показало, что наиболее стрессогенными факторами для них являются ощущение на эмоциональном и психологическом уровне хрупкости, непредсказуемости окружающего мира; смешение виртуальных и реальных триггеров поведенческих и эмоциональных реакций; невозможность преодолевать трудности без привлечения внешних ресурсов; боязнь близких отношений (дружеских, любовных) из-за риска отвержения и неприятия. Все это становится причинами негативных эмоциональных переживаний, от которых подростки пытаются избавиться с помощью новых, захватывающих эмоциональных переживаний, черпаемых в нарушении норм «взрослого общества». А субъективные ощущения свободы и вседозволенности цифровой среды порождают феномен «новой делинквентности» — форматов отклоняющегося поведения, присущих цифровой эпохе.

Так, тотальная цифровизация породила, наряду с позитивными тенденциями, и целый ряд новых видов преступлений: киберпреступность в интернет-банкинге (кражи денежных средств с банковских счетов с использованием программных средств — эксплойтов); киберсквоттинг (захват доменных имен, то есть регистрация доменного имени, частично схожего с уже зарегистрированным или тождественного по написанию с иным средством индивидуализации); брэндсквоттинг (регистрация на определенной территории товарного знака, ранее не зарегистрированного, с целью продажи его заинтересованным лицам).

В пандемийный и пост-пандемийный период наблюдался стремительный рост компьютерной преступности. По оценкам аналитиков Group-IB, в первую очередь, выросло число финансовых мошенничеств с использованием методов социальной инженерии: рост киберпреступности составил 91,7 %; развиваются дистанционные способы совершения преступлений, при которых отсутствует физический контакт между злоумышленниками и их жертвами (например, если до 2014 г. сбыт наркотиков происходил «из рук в руки», то с развитием цифровых технологий наркоторговцы стали использовать исключительно электронные торговые площадки в даркнете, принимающие оплату в криптовалюте); практически 70 % зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, в 2020 г. совершалось с использованием интернета [Черноусов, 2020].

Несмотря на явно криминальный характер такого рода действий, в сознании молодежи существует некоторый романтический ареол вокруг них — хакерство в молодежной среде не имеет социально негативной оценки, скорее наоборот, несет коннотацию успешности и «борьбы со злом». К причинам привлекательности хакерства для молодежи можно отнести институализацию и ведение целенаправленной пропагандистской деятельности; заинтересованность государственных и криминальных структур в сотрудничестве с хакерами, что способствует резкому повышению их самооценки; привлечение известных хакеров на престижные должности в ведущие фирмы; романтизацию образа хакера средствами массовой информации. При этом в молодежной среде фактически нет понимания того, что из-за децентрализованности и отсутствия единой идеологии отдельные группы движения «хакеров» всегда будут являться частью терроризма, криминального мира, радикальных обществ и деструктивных культов. Такое поведение, как и вообще молодежный вандализм, может быть вызвано депривацией (неудовлетворением) важных потребностей некоторой части молодежи и ее неспособностью к самореализации.

Новое развитие в связи с тотальной доступностью интернета получили и преступления экстремистской направленности. Т. А. Аристархова одним из основных признаков современного экстремизма называет «использование в преступной деятельности информационно-коммуникационных технологий для организации своих действий и распространения экстремистской идеологии» [Аристархова, 2014, с. 34]. А. С. Бутенко называет особенности экстремизма в интернете, связанные с устройством и техническими возможностями информационно-коммуникативной сети: информация, содержащая сведения экстремистского характера, создается с помощью компьютерной техники в интернете и имеет виртуальный характер; экстремистская информация, размещенная в интернете, доступна широкому кругу лиц; свободный доступ к сети позволяет экстремистам размещать материалы и оставаться анонимными; использование мультимедийных средств, через которые экстремисты осуществляют пропаганду своей деятельности и воздействуют на массовую аудиторию с помощью профессионально подготовленных текстов, графических изображений, аудио- и видеозаписей; виртуальный характер экстремистских преступных действий [Бутенко, 2019].

В эру цифровизации пропаганда становится самым главным оружием экстремистов. Современная молодежь формирует свои установки и ценности посредством общения и получения информации в социальных сетях. Понимая это, идеологи экстремистских движений и групп активно воздействуют на сознание молодых граждан, используя социальные сети и возможности информационной коммуникации в мессенджерах, что подтверждается статистическими данными и анализом материалов средств массовой информации. В исследовании, проведенном В. О. Майоровым в 2016 г. в Ярославской области, 90 % респондентов заявили, что сталкивались с экстремистскими призывами в интернете, в качестве источника чаще всего указывалась социальная сеть «ВКонтакте» (85 %). Среди материалов экстремистской направленности, с которыми сталкивались респонденты, преобладали изображения с призывами (65 %), видеоролики (20 %), персональные информационные послания (15 %) [Майоров, 2016]. Исследования, проведенные А. Нейда и А. Метелевым, показывают, что к обстоятельствам наибольшего риска быть вовлеченными в экстремистскую деятельность можно отнести молодых людей с интернет-зависимым поведением, при этом основными технологиями влияния на молодых людей с интернет-зависимым либо деструктивным поведением являются трансгенные культы и субкультуры, компьютерные игры, смарт-технологии пересоциализации поведения (флешмоб, криминальный-карнавал, мирный бунт) [Нейда, 2022].

Под влиянием социальных, экономических и иных трудностей взросления легче формируются радикальные взгляды и убеждения. Наиболее опасным, с точки зрения вхождения в поле экстремистской активности является возраст от 14 до 25 лет. На это время приходится наложение двух важнейших психологических и социальных факторов: развитие самосознания, обострение чувства справедливости, поиск смысла и жизни и отсутствие четких моральных убеждений и ценностей, делающее молодых людей подверженными внушению и манипулированию. В силу своего возраста они характеризуются такими психологическими особенностями, как максимализм и нигилизм, радикализм и нетерпимость, реакции группирования, мировоззренческая неустойчивость, которые при определенных жизненных условиях и наличии значимых стимулов могут выступать пусковым механизмом их анти-социальной активности. В социальном плане

большинство молодых людей оказываются в позиции маргиналов, когда их поведение не определено практически никакими социально-экономическими факторами (наличие собственности, перспективная постоянная работа, материальная ответственность за семью и др.). Молодые люди, продолжая образование, уезжают в другой город или регион, оказываясь в ситуации и свободы, и социальной незащищенности. В итоге молодой человек мобилен, готов к экспериментам, в том числе финансируемым, что может рассматриваться как допустимая возможность дополнительного заработка.

Еще одной негативной стороной использования интернета молодыми людьми является то, что они могут подвергаться издевательствам в киберпространстве или, наоборот, преследовать кого-либо. Такое поведение названо кибербуллингом (травля с использованием цифровых технологий) [Baldry, 2015]. В частности, кибербуллинг среди детей и подростков определяется как преднамеренный и повторный вред, причиняемый одним или несколькими сверстниками с использованием компьютеров, смартфонов и других устройств [Thomas, 2015]. В последние годы появились новые формы кибербуллинга, такие как киберпреследование и злоупотребление онлайн-знакомствами.

Необходимость разграничить эти новые формы виктимизации и другие формы агрессии, которые проявляются в интернете, в значительной степени определяет актуализацию критериев интенциональности, повторения и дисбаланса сил [Smith, 2008]. Проблема сверстнических издевательств и других агрессивных форм установления иерархии в подростковой среде не является новой, однако присущие цифровому миру особенности затрудняют согласование традиционных критериев выявления буллинга с критериями киберзапугивания. В настоящее время ряд авторов трактуют кибербуллинг как подтип буллинга [Olweus, 2013].

К кибербуллингу иногда относят и хейтинг (от англ. hate — ‘ненависть’) — немотивированно злобные, оскорбительные и агрессивные комментарии, посты и сообщения в социальных сетях. В отечественных исследованиях доминирует трактовка хейтинга как вида агрессии в киберкоммуникации в сообщениях или комментариях, выражающих ненависть не только к собеседникам, но и к обсуждаемым явлениям. При этом триггеры не ограничены расовой, гендерной и т. д. принадлежностью объектов хейтинга, триггером

хейтинга может послужить что угодно. А. А. Арцер и Е. Н. Маковецкая в своей работе выделяют характерные черты хейтинга: 1) объект киберагрессии — только знаменитые и популярные личности; 2) какая бы то ни было объективная оценка в высказываниях хейтеров отсутствует; 3) невозможно организовать конструктивную беседу; 4) randomness триггеров. Хейтеры стремятся унижить жертву, внушить страх и стыд, неуверенность в себе, разрушить реальные и виртуальные социальные отношения жертвы [Арцер, 2020].

Также проявлениями кибербуллинга считаются троллинг (стиль общения в интернет-пространстве, направленный на издевательство и провокационные высказывания, цель которых — повысить публичность и уровень эпатажа некоторых пользователей), флейминг (бесцельная дискуссия в чате, личной переписке или комментариях, сопровождающаяся негативными эмоциями), киберсталкинг (использование интернета для преследования или домогательств человека или группы людей), харассмент (любые высказывания, чаще всего сексуального характера, которые ставят человека в неловкое положение, унижают его достоинство и систематически нарушают личные границы), имперсонация (имитация или театральное копирование какой-либо личности, с выдачей себя за другого человека), хеппислепинг (видеоролики с записями реальных сцен насилия) и т. д.

Дефиниционные и концептуальные противоречия еще более осложняются широкими средствами и способами взаимодействия с цифровыми технологиями, коммуникацией и социализацией, которые характеризуют современное подростничество.

Хотя кибербуллинг по-прежнему является относительно новой областью исследований, распространение этого явления среди подростков считается серьезной социальной проблемой, которая тесно связана с поведением, психическим здоровьем и развитием взрослеющей личности. Повсеместное распространение интернета и популярность социальных сетей среди молодежи ухудшили эту ситуацию: все больше детей и подростков сталкиваются с киберзапугиванием или онлайн-виктимизацией. Виртуальная среда способствует росту травли в связи с тем, что агрессор может сохранять анонимность, а также действовать удаленно, вне зависимости от географических границ.

Большая социальная опасность кибербуллинга, по сравнению с традиционными формами буллинга, заключается в его большей публичности — почти все исследователи, работающие с данной проблемой, отмечают, что травля в интернете отличается наличием многочисленных свидетелей, что делает данное явление фактором десоциализации не только агрессоров и жертв, но и наблюдателей.

В исследовании, проведенном Е. В. Бочкаревой и Д. А. Стрениным, 80,8 % от общего числа опрошенных заявили, что являлись свидетелями кибербуллинга. При этом принимали участие в кибербуллинге (помогали агрессору) 3,7 % респондентов (из числа тех, кто был свидетелем кибербуллинга), 27,5 % респондентов только наблюдали за происходящим, 22,8 % ничего не делали, но хотели помочь жертве, 46,0 % респондентов помогли или пытались помочь жертве. Авторы предлагают подразделять свидетелей кибербуллинга условно на следующие группы: подстрекатели (наблюдают агрессию, одобряют и подстрекают агрессора); аутсайдеры (нейтральны и не хотят вмешиваться, но молча наблюдают); защитники (поддерживают жертву атаки или помогают ей) [Бочкарева, 2021]. По мнению зарубежных исследователей, у свидетелей кибербуллинга выделяют следующие мотивы невмешательства и вмешательства в ситуацию кибербуллинга: страх стать мишенью для хулиганов или испытать чувство собственной беспомощности в данной ситуации; хотят помочь жертве, так как считают, что издевательства неприемлемы; не определившиеся с тем, как им следует поступить: не знают всей ситуации, из-за которой происходит конфликт, — выбирают стратегию поведения в зависимости от отношений с жертвой и хулиганами [Schultze-Krumbholz, 2016].

Киберзапугивание оказывает негативное воздействие на многие аспекты жизни молодых людей — в любом случае это вторжение в частную жизнь, которое может вызвать даже психологические расстройства. Влияние киберзапугивания может быть более неблагоприятным, чем традиционное издевательство, поскольку преступники могут действовать анонимно и легко общаться с детьми и подростками в любое время. По сравнению с традиционными жертвами, те, над кем издеваются в интернете, демонстрируют более высокий уровень депрессии, тревоги и одиночества [Larranaga, 2016].

Еще одной чертой, присущей виртуальной социализации, становится трансформация моло-

дежной субкультуры. Если ранее «неформалы» были на виду — их отличали особенности внешнего вида, поведения, фиксированные места «тусовки» и т. д., то сегодня большинство молодежных субкультур переключилось в интернет. Неотъемлемой частью образа жизни субкультур стало появление в соответствующем виде в среде обычных граждан, граждан. Появление представителей субкультур было способом найти единомышленников и создать особую среду. Теперь это гораздо чаще делается в интернете. Общение тоже происходит в сети куда чаще, чем в местах тусовок. Современный молодой человек может быть участником или приверженцем не одного, а сразу нескольких субкультурных интернет-сообществ, при этом никак не отличаться от сверстников в реальности, что существенно снижает возможности социального контроля за девиантными и делинквентными субкультурами.

Феноменом цифрового общества стали субкультурные молодежные группы, в реальности которых мало кто сомневается, но которых не видели ни внешние наблюдатели, ни сами участники. Это так называемые «фантомные группы», действительно существующие только в массовом воображении, естественно, представленном в интернете, — в причудливо переплетенных образах, способах их репрезентации и актах массовой коммуникации. Новые гопники, яппи, ванильки и пр. — это социальные иллюзии, уверенность в существовании которых возникает и укрепляется при помощи массового сетевого общения и средств массовой информации. П. В. Разин и В. П. Коломиец специфическими признаками фантомных субкультурных групп называют отсутствие идентификации индивида с группой — операция оценки и маркировки принадлежности совершается другими индивидами; любой по желанию может соответствовать (осознанно или нет) образу этой группы в массовом сознании; какое-либо взаимодействие внутри группы отсутствует. По мнению авторов, в фантомной группе сильно ослаблены или отсутствуют групповые идентичности: образ жизни, вкусы, стереотипы, поведение, информационные и медийные предпочтения, основные элементы сознания — все очень похоже; социальное пространство пластично и гомогенно. В такой среде массмедиа, не встречая серьезных барьеров, могут формировать любые образы в массовом сознании, в том числе, заниматься конструированием разнообразных социальных групп [Разин, 2020].

Завершая обзор, затронем ряд проявлений делинквентного поведения, не имеющих прямого отношения к цифровой среде, но ставших ее порождением. В основе этих форм отклоняющегося поведения лежит феномен «новой публичности»: если раньше человек мог показывать свою статусность только в родном дворе или городе, то теперь это можно делать на весь мир. К традиционной потребности человека получать похвалу (поглаживание), невербальное одобрение/осуждение или даже ненависть (так называемый «вампиризм») добавился лайк как один из способов продвижения контента. Публичность «лайка» приводит к тому, что количество позитивных откликов на фотографию, видео или пост и идентичность тех, кто их поставил, становятся дополнительным элементом информации, а также индикатором существующих социальных связей. По сути, лайки, эмодзи, стикеры, гифки составляют новый репертуар средств коммуникации, и стимулируют пользователей к все более вычурным формам самопрезентации, способным набрать большее количество данных форм обратной связи, в жесткой конкуренции за внимание аудитории побеждает вызывающий контент.

Следствием «погони за лайками» стали такие противоправные увлечения молодежи как: ружфинг (лазание по крышам домов и другим высотным сооружениям), зацепинг (способ передвижения на поезде, при котором человек цепляется к вагонам снаружи за различные поручни, лестницы, подножки и другие элементы), шоплифтинг (магазинные кражи, зачастую с последующим выкладыванием «результата» в социальных сетях) и др.

Заключение

Таким образом, молодежная протестность и желание выделиться в наши дни принимают иные формы, и эти формы гораздо больше связаны с интернет-средой, чем со способами одеваться или любимыми музыкальными жанрами. Подводя итог данной статье отметим, что в результате смещения аксиологических сдвигов в цифровом обществе происходит перенос классификации ценностей в настоящую реальность: смерть не воспринимается как нечто конечное, а летальный исход в результате деструктивного поведения не является чем-то завершенным: по мнению молодого «цифрового человека» есть функция перезагрузки и выход на новый уровень. Демонстрация насилия и жестокости приносит популярность в сети, деструктивный имидж является

привлекательным, преступление, совершенное с помощью компьютерной программы, вызывает восторг, а не отторжение. В связи с этим проблема презентации и интерпретации новых форматов девиантного поведения несовершеннолетних, связанных с цифровой социализацией, остается актуальной и не решенной и представляется перспективной для дальнейших научных дискуссий.

Библиографический список

1. Анализ копинг-стратегий подростков делинквентного поведения как условие оптимизации психолого-педагогического сопровождения учащихся / Е. В. Волченкова, Е. В. Кузнецова, Ю. П. Санникова и др. // *Science for Education Today*. 2020. Т. 10. № 5. С. 84-103.
2. Аристархова Т. А. Основные черты и особенности молодежного экстремизма // *Известия Тульского государственного университета*. 2014. № 1-2. С. 32-37.
3. Арцер А. А. Кибербуллинг и хейтерство как новые типы агрессии в медийном пространстве / А. А. Арцер, Е. Н. Маковецкая // *Потенциал российской экономики и инновационные пути его реализации: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. студентов и аспирантов (21 апреля 2020 г. Омск)*. Омск: Омский филиал Финансового университета, 2020. С. 122-124.
4. Басюк В. С. Аморализм как доминанта развития внутренней позиции делинквентного подростка // *Развитие личности*. 2021. № 3-4. С. 22-33.
5. Бочкарева Е. В. Теоретико-правовые аспекты кибербуллинга / Е. В. Бочкарева, Д. А. Стренин // *Всероссийский криминологический журнал*. 2021. № 1. С. 91-97.
6. Бутенко А. С. Экстремизм в сети Интернет: понятие и сущность // *Юристъ — Правоведь*. 2019. № 2 (89). С. 57-61.
7. Вайсбург А. В. Феномен Ольги Бузовой — случайность или закономерность среди кумиров современной российской молодежи? // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология*. 2022. Т. 8. № 2 (74). С. 3-9.
8. Гугнина Е. Т. Критичность мышления в эпоху фейковой субкультуры / Е. Т. Гугнина, Е. Н. Стриканова, В. Е. Цурашенко // *Развитие современного образования: актуальные вопросы теории и практики: сборник статей IV Международной научно-практической конференции*. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2022. 128 с.
9. Киселева Е. В. Формирование социальной идентичности у современных подростков // *Молодой ученый*. 2016. № 10 (114). С. 1376-1378. URL: <https://moluch.ru/archive/114/30161/> (дата обращения: 16.07.2022).
10. Коханая О. Е. Цифровые медиа как фактор, провоцирующий девиантное поведение несовершеннолетних // *Научные труды Московского гуманитарного университета*. 2022. № 1. С. 30-38.

11. Майоров В. О. Интернет как фактор развития экстремизма в молодежной среде // Инновационный потенциал молодежи: глобализация, политика, интеграция : сборник статей участников Междунар. молодежн. науч.-исслед. конф. (Екатеринбург, 25-26 октября 2016 года). Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 303-306.
12. Морозов А. В. Интернет-грамотность и интернет-безопасность // Лучшая исследовательская статья 2021 : сборник статей II Международного научно-исследовательского конкурса, Петрозаводск, 01 ноября 2021 года. Петрозаводск : Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И. И.), 2021. С. 148-155.
13. Мудрик А. В. Социально-педагогические проблемы социализации : монография. Москва : МПГУ, 2016. 256 с.
14. Нейда А. Современные психотехнологии вовлечения молодежи с интернет-зависимым поведением в экстремистскую деятельность / А. Нейда, А. Метелев // Пресс-центр адвокатского бюро «Казанов и партнеры». URL: <https://abkazakov.ru/publications/sovremennye-psihotehnologii-vovlecheniya-molodezhi-s-intnrnet-zavisimym-povedeniem-v-ekstremistskuyu-deyatelnost> (дата обращения 19.08.2022).
15. Никитская Е. А. Обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних и профилактика делинквентного поведения как необходимая компетенция специалистов социальной сферы // Вестник экономической безопасности. 2021. № 1. С. 330-333.
16. Радаев В. В. Прощай, советский простой человек! // Общественные науки и современность. 2018. № 3. С. 51-65.
17. Разин П. В. Сетевые и фантомные социальные формы: реальность и фантазия / П. В. Разин, В. П. Коломиец // Медиаскоп. 2020. № 4. URL: <http://www.mediascope.ru/2676> (дата обращения: 12.08.2022)/
18. Фатеев И. В. Групповая делинквентность как источник социальных рисков в современной России // Теория и практика общественного развития. 2010. № 1. С. 134-137.
19. Черноусов И. Эксперты назвали тенденции киберпреступлений в период пандемии // Российская газета. 23.10.2020
20. Якимова Е. В. Сетевая близость и цифровая дружба: специфика и трансформация межличностной коммуникации в эпоху позднего модерна // Социальные и гуманитарные науки. Серия 11. Социология. 2021. № 4. С. 15-30.
21. Baldry A. C., Farrington D. P., Sorrentino A. "Am I at risk of cyberbullying"? A narrative review and conceptual framework for research on risk of cyberbullying and cybervictimization: the risk and needs assessment approach. *Aggress Violent Behav.* 2015. № 23. Pp. 36-51.
22. Cascio J. A educação em um mundo cada vez mais caótico // *Boletim Técnico Do Senac.* 2021. T. 47. № 1. С. 101-105.
23. Davlato'g'li Q. D. et al. Theoretical and methodological analysis of the causes of juvenile delinquency // *Emergent: Journal of Educational Discoveries and Lifelong Learning (EJEDL).* 2022. Vol. 3. № 07. Pp. 46-48.
24. Kalanova S. M. Generational analysis: theoretical and methodological components // *Грані.* 2016. № 139. С. 65-74.
25. Larranaga E., Yubero S., Ovejero A., Navarro. R. Loneliness, parent-child communication and cyberbullying victimization among Spanish youths. *Comp Hum Behav.* 2016. № 65. Pp. 1-8.
26. Mannheim K. The problem of generations // *Psychoanalytic review.* 1970. T. 57. № 3. С. 378-404.
27. Mead M. J. et al. Electromagnetic pulse generation within a petawatt laser target chamber // *Review of scientific instruments.* 2004. T. 75. № 10. С. 4225-4227
28. Müller C. M., Hofmann V., Arm S. Susceptibility to classmates' influence on delinquency during early adolescence // *The Journal of Early Adolescence.* 2016. Vol. 37. Pp. 1221-1253.
29. Olweus, D. Cyberbullying: An overrated phenomenon? *Eur. J. Dev. Psychol.* 2012. № 9. Pp. 520-538.
30. Schultze-Krumbholz A., Schultze M., Zagorscak P., Wolfer R., Scheithauer H. Feeling cybervictims' pain — the effect of empathy training on cyberbullying // *Aggressive Behavior.* 2016. Vol. 42. Pp. 147-156.
31. Scott E. S., Steinberg L. Adolescent development and the regulation of youth crime // *The Future of Children,* 2008. Pp. 15-33.
32. Smith P. K., Mahdavi J., Carvalho C., Fisher S., Russell S., Tippett N. Cyberbullying: Its nature and impact in secondary school pupils. *J. Child. Psychol. Psychiatry.* 2008. № 49. pp. 376-385.
33. Thomas H. J., Connor J. P., Scott J. G. Integrating traditional bullying and cyberbullying: challenges of definition and measurement in adolescents — a review. *EducPsychol Rev.* 2015. 27:135-52.
34. Thomas H. J., Connor J. P., Scott J. G. Integrating traditional bullying and cyberbullying: challenges of definition and measurement in adolescents — a review. *Educ. Psychol. Rev.* (2015) 27:135-52.

Reference list

1. Analiz koping-strategij podrostrkov delinkventnogo povedenija kak uslovie optimizacii psihologo-pedagogicheskogo soprovozhdenija uchaschihsja = Analysis of the copying strategies of adolescents with delinquent behavior as a condition for optimizing psychological and pedagogical support for students / E. V. Volchenkova, E. V. Kuznecova, Ju. P. Sannikova i dr. // *Science for Education Today.* 2020. T. 10. № 5. S. 84-103.
2. Aristarhova T. A. Osnovnye cherty i osobennosti molodezhnogo jekstremizma = The main features and features of youth extremism // *Izvestija Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta.* 2014. № 1-2. S. 32-37.

3. Arcer A. A. Kiberbulling i hejterstvo kak novye tipy agressii v medijnom prostranstve = Cyberbullying and hating as new types of aggression in the media space / A. A. Arcer, E. N. Makoveckaja // Potencial rossijskoj jekonomiki i innovacionnye puti ego realizacii : mat-ly Vseros. nauch.-prakt. konf. studentov i aspirantov (21 aprelja 2020 g. Omsk). Omsk : Omskij filial Finansovogo universiteta, 2020. S. 122-124.
4. Basjuk V. S. Amoralizm kak dominantna razvitija vnutrennej pozicii delinkventnogo podrostopka = Amoralism as a dominant of the development of the inner position of a delinquent teenager // Razvitie lichnosti. 2021. № 3-4. S. 22-33.
5. Bochkareva E. V. Teoretiko-pravovye aspekty kiberbullinga = Legal and theoretical aspects of cyberbullying / E. V. Bochkareva, D. A. Strenin // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2021. № 1. S. 91-97.
6. Butenko A. S. Jekstremizm v seti Internet: ponjatie i sushhnost' = Extremism on the Internet: concept and essence // Jurist# — Pravoved#. 2019. № 2 (89). S. 57-61.
7. Vajsburg A. V. Fenomen Ol'gi Buzovoj — sluchajnost' ili zakonomernost' sredi kumirov sovremennoj rossijskoj molodezhi? = Olga Buzova's phenomenon is an accident or a pattern among the idols of modern Russian youth? // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Sociologija. Pedagogika. Psihologija. 2022. T. 8. № 2 (74). S. 3-9.
8. Gugnina E. T. Kritichnost' myshlenija v jepohu fejkovoj subkul'tury = Critical thinking in the age of fake subculture / E. T. Gugnina, E. N. Strikanova, V. E. Curchashenko // Razvitie sovremenogo obrazovanija: aktual'nye voprosy teorii i praktiki : sbornik statej IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Penza : MCNS «Nauka i Prosveshhenie», 2022. 128 s.
9. Kiseleva E. V. Formirovanie social'noj identichnosti u sovremennyh podrostopkov = The formation of social identity in modern adolescents // Molodoj uchenyj. 2016. № 10 (114). S. 1376-1378. URL: <https://moluch.ru/archive/114/30161/> (data obrashhenija: 16.07.2022).
10. Kohanaja O. E. Cifrovye media kak faktor, provocirujushhij deviantnoe povedenie nesovershennoletnih = Digital media as a factor that provokes deviant behavior of minors // Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta. 2022. № 1. S. 30-38.
11. Majorov V. O. Internet kak faktor razvitija jekstremizma v molodezhnoj srede = The Internet as a factor in the development of extremism in the youth environment // Innovacionnyj potencial molodezhi: globalizacija, politika, integracija : sbornik statej uchastnikov Mezhdunar. molodezhn. nauch.-issled. konf. (Ekaterinburg, 25-26 oktjabrja 2016 goda). Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2016. S. 303-306.
12. Morozov A. V. Internet-gramotnost' i internet-bezopasnost' = Internet literacy and Internet security // Luchshaja issledovatel'skaja stat'ja 2021 : sbornik statej II Mezhdunarodnogo nauchno-issledovatel'skogo konkursa, Petrozavodsk, 01 nojabrja 2021 goda. Petrozavodsk : Mezhdunarodnyj centr nauchnogo partnerstva «Novaja Nauka» (IP Ivanovskaja I. I.), 2021. S. 148-155.
13. Mudrik A. V. Social'no-pedagogicheskie problemy socializacii = Social and pedagogical problems of socialization : monografija. Moskva : MPGU, 2016. 256 s.
14. Nejda A. Sovremennye psihotehnologii vovlechenija molodezhi s internet-zavisimym povedeniem v jekstremistskiju dejatel'nost' = Modern psychotechnologies of involving young people with Internet-dependent behavior in extremist activities / A. Nejda, A. Metelev // Press-centr advokatskogo bjuro «Kazakov i partnery». URL: <https://abkazakov.ru/publications/sovremennye-psihotehnologii-vovlecheniya-molodezhi-s-internet-zavisimym-povedeniem-v-ekstremistskuyu-deyatelnost> (data obrashhenija 19.08.2022).
15. Nikitskaja E. A. Obespechenie informacionnoj bezopasnosti nesovershennoletnih i profilaktika delinkventnogo povedenija kak neobhodimaja kompetencija specialistov social'noj sfery = Ensuring information security of minors and prevention of delinquent behavior as a necessary competence of social specialists // Vestnik jekonomicheskoy bezopasnosti. 2021. № 1. S. 330-333.
16. Radaev V. V. Proshhaj, sovetskij prostoj che-lovek! = Goodbye, Soviet ordinary man! // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2018. № 3. S. 51-65.
17. Razin P. V. Setevye i fantomnye social'nye formy: real'nost' i fantazija = Network and phantom social forms: reality and fantasy / P. V. Razin, V. P. Kolomic // Mediaskop. 2020. № 4. URL: <http://www.mediascope.ru/2676> (data obrashhenija: 12.08.2022).
18. Fateev I. V. Gruppovaja delinkventnost' kak istochnik social'nyh riskov v sovremennoj Rossii = Group delinquency as a source of social risks in modern Russia // Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija. 2010. № 1. S. 134-137.
19. Chernousov I. Jeksperty nazvali tendencii kiberprestuplenij v period pandemii = Experts called cybercrime trends during a pandemic // Rossijskaja gazeta. 23.10.2020
20. Jakimova E. V. Setevaja blizost' i cifrovaja družba: specifika i transformacija mezhlchnostnoj kommunikacii v jepohu pozdnego moderna = Network intimacy and digital friendship: the specificity and transformation of interpersonal communication in the late modern era // Social'nye i gumanitarnye nauki. Serija 11. Sociologija. 2021. № 4. S. 15-30.
21. Baldry A. C., Farrington D. P., Sorrentino A. «Am I at risk of cyberbullying»? A narrative review and conceptual framework for research on risk of cyberbullying and cybervictimization: the risk and needs assessment approach. *Aggress Violent Behav.* 2015. № 23. Rr. 36-51.
22. Cascio J. A educação em um mundo cada vez mais caótico // *Boletim Técnico Do Senac.* 2021. T. 47. № 1. S. 101-105.
23. Davlato'g'li Q. D. et al. Theoretical and methodological analysis of the causes of juvenile delinquency //

Emergent: Journal of Educational Discoveries and Lifelong Learning (EJEDL). 2022. Vol. 3. № 07. Rr. 46-48.

24. Kalanova S. M. Generational analysis: theoretical and methodological components // Grani. 2016. № 139. S. 65-74.

25. Larranaga E., Yubero S., Ovejero A., Navarro. R. Loneliness, parent-child communication and cyberbullying victimization among Spanish youths. *Comp Hum Behav.* 2016. № 65. Rr. 1-8.

26. Mannheim K. The problem of generations // *Psychoanalytic review.* 1970. T. 57. № 3. S. 378-404.

27. Mead M. J. et al. Electromagnetic pulse generation within a petawatt laser target chamber // *Review of scientific instruments.* 2004. T. 75. № 10. S. 4225-4227

28. Müller C. M., Hofmann V., Arm S. Susceptibility to classmates' influence on delinquency during early adolescence // *The Journal of Early Adolescence.* 2016. Vol. 37. Pp. 1221-1253.

29. Olweus, D. Cyberbullying: An overrated phenomenon? *Eur. J. Dev. Psychol.* 2012. № 9. Rr. 520-538.

30. Schultze-Krumbholz A., Schultze M., Zagorscak P., Wolfer R., Scheithauer H. Feeling cybervictims' pain — the effect of empathy training on cyberbullying // *Aggressive Behavior.* 2016. Vol. 42. Pp. 147-156.

31. Scott E. S., Steinberg L. Adolescent development and the regulation of youth crime // *The Future of Children,* 2008. Rr. 15-33.

32. Smith P. K., Mahdavi J., Carvalho C., Fisher S., Russell S., Tippett N. Cyberbullying: Its nature and impact in secondary school pupils. *J. Child. Psychol. Psychiatry.* 2008. № 49. rr. 376-385.

33. Thomas H. J., Connor J. P., Scott J. G. Integrating traditional bullying and cyberbullying: challenges of definition and measurement in adolescents — a review. *EducPsychol Rev.* 2015. 27:135-52.

34. Thomas H. J., Connor J. P., Scott J. G. Integrating traditional bullying and cyberbullying: challenges of definition and measurement in adolescents — a review. *EducPsychol Rev.* (2015) 27:135-52.

Статья поступила в редакцию 22.09.2022; одобрена после рецензирования 18.10.2022; принята к публикации 10.11.2022.

The article was submitted on 22.09.2022; approved after reviewing 18.10.2022; accepted for publication on 10.11.2022.